

УДК 1(091)

АРХИТЕКТОНИЧЕСКОЕ МЕСТО ЯЗЫКА
В ФИЛОСОФИИ КАНТАР. Паскуаре¹

Рец. на кн.: Ehrsam R. *Le problème du langage chez Kant*. Paris : Librairie Philosophique J. Vrin, 2016. 288 p.

В своей монографии о Канте и проблеме языка Рафаэль Эрсам развивает прочно обоснованную реконструкцию архитектурного места языка в философии Канта с помощью того, что сам автор называет «генетическим тезисом». Согласно этому тезису, в философии Канта без освоения лингвистических компетенций невозможно получение теоретических и практических априорных познаний. Содержание книги можно разделить на три части. В первой части (введение и первая глава) Эрсам определяет предмет исследования, представляя свой тезис и выводя на передний план кантовские понятия приобретения и эпигенезиса. Во второй части (со второй по пятую главу) он подробнее проговаривает свой тезис, реконструируя функции обращения к языку в разных примерах из теоретической и практической философии Канта. Третья часть (шестая глава) посвящена описанию кантовских мыслей о том, как человек — и как индивид, и как вид — приобретает лингвистические компетенции.

Во введении Эрсам представляет свой генетический тезис, противопоставляя его трем распространенным прочтениям, которые он называет критическим, благожелательным и максималистским. Согласно критическому прочтению (Иоганн Георг Гаман и Иоганн Гот-

¹ Грацский университет им. Карла и Франца. 8010, Австрия, Грац, Аттемсгассе, д. 25/II. Поступила в редакцию: 28.04.2020 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-5
© Паскуаре Р., 2020

THE ARCHITECTONIC
PLACE OF LANGUAGE
IN KANT'S PHILOSOPHYR. Pasquarè¹

Review: Raphaël Ehrsam, *Le problème du langage chez Kant*. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 2016, 288 pp.

With this monograph on Kant and the problem of language, Raphaël Ehrsam develops a well-argued reconstruction of the architectonic place of language in Kant's philosophy. The author terms his argument "genetic thesis". On Ehrsam's genetic thesis, in Kant's philosophy the mastery of linguistic competences is indispensable to the acquisition of *a priori* theoretical and practical cognitions. The material of the book can be divided into three parts. In the first part (Introduction and Chapter One), Ehrsam frames the subject by outlining his thesis and foregrounding Kant's notions of acquisition and epigenesis. In the second part (Chapters Two – Five), he then articulates his thesis by reconstructing the functions played by specific linguistic instances in Kant's theoretical and practical philosophy. The third part (Chapter Six) is devoted to sketching Kant's thoughts on how the human being, both as an individual and a species, acquires linguistic competences.

In the Introduction Ehrsam presents his genetic thesis by contrasting it with three wide-spread readings which he calls critical, benevolent, and maximalist. On the critical reading (Johann Georg Hamann and Johann Gottfried Herder), Kant neglects the philosophical study of language because his commit-

¹ Karl-Franzens-University of Graz. 25/II Attemsgasse, Graz, 8010, Austria. Received: 28.04.2020.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-5
© Pasquarè R., 2020

ффрид Гердер), Кант пренебрегает философским исследованием языка из-за своей приверженности априорному характеру условий познания, принуждающей его скрывать лингвистические, то есть эмпирические, условия познания. Согласно благожелательному прочтению, мы все же можем ассоциировать язык как предмет исследования с философией Канта несмотря на его полную непредставленность в ней. Мы можем делать это, эксплицируя то, что Кант оставил имплицитным (Питер Стронсон, Жослен Бенуа), систематизируя то, что Кант оставил несистематизированным (Ханна Арендт, Мишель Коэн-Алими), или применяя основополагающие тезисы кантовской философии для исследования языка и коммуникации (Вильгельм фон Гумбольдт, дискурсивная этика). Согласно максималистскому прочтению (Вольфрам Хогребе, Йозеф Симон), язык и коммуникация выступают ключом к проекту критики в целом. Согласно генетическому тезису Эрсаме, язык для Канта представляет собой не мнимый, несистематический или всеобъемлющий интерес, но занимает свое легитимное, систематическое и архитектурное место. В действительности, обладание специфическими лингвистическими компетенциями есть необходимое условие приобретения априорных теоретических и практических познаний. В свете этого мы можем рассматривать кантовские воззрения на природу языка как занимающие архитектурное место в его философии: там, где дедукция теоретических и практических познаний производится *a priori*, их приобретение происходит эмпирически посредством языка.

Прояснение того, что Кант понимает под приобретением, есть задача первой главы книги. Чтобы обосновать свои утверждения, что (1) приобретение априорных познаний опирается на обладание лингвистическими компетенциями, и что (2) эта связь не только соответствует кантовской философии, но является ее ин-

ment to the *a priori* character of the conditions of cognition compels him to conceal the linguistic, i.e. empirical, conditions of cognition. On the benevolent reading, it is possible to associate the subject of language with Kant's philosophy despite the overall absence of the former in the latter. One can do so by making explicit what Kant leaves implicit (Peter Strawson, Jocelyn Benoist), by systematising what Kant leaves unsystematic (Hannah Arendt, Michèle Cohen-Halimi) or by transferring pivotal tenets of his philosophy onto the investigation of language and communication (Wilhelm von Humboldt, Discourse Ethics). On the maximalist reading (Wolfram Högbe, Josef Simon), language and communication are the key to the critical enterprise as a whole. With his genetic thesis, Ehrsam maintains that in Kant's philosophy the subject of language, far from being a spurious, unsystematic or all-encompassing interest, holds a place which is legitimate, systematic and architectonic. In fact, the mastery of specific linguistic competences is the necessary condition of the acquisition of *a priori* cognitive and practical cognitions. In light of this, it becomes possible to consider Kant's thoughts on language as holding an architectonic place in his philosophy: whereas the deduction of cognitive and practical cognitions must be carried out *a priori*, the acquisition of them occurs empirically through language.

Clarifying what Kant means by acquisition is the task of Chapter One. To undergird his thesis (1) that the acquisition of *a priori* cognitive and practical cognitions hinges upon the mastery of linguistic competences and (2) that this link is not only in keeping with but also an integral part of Kant's philosophy, Ehrsam needs find in Kant's philosophy a notion of acquisition which is both empirical and capable of preserving the *a priori* foundation of theoretical and practical cognition. He argues that such acquisition is the one which comes to

тегральной частью, Эрсаму необходимо найти в философии Канта такое понятие приобретения, которое было бы одновременно эмпирическим и способным сохранить априорное основание теоретических и практических познаний. Он утверждает, что подобное приобретение понятий описывается Кантом в § 13 из раздела о трансцендентальной дедукции во 2-м издании «Критики чистого разума» (B 118–119; Кант, 2006, с. 187–189). Кант различает дедукцию (*Deduktion*) и приобретение (*Erwerbung*) категорий, отмечая, что последнее есть порождение (*Erzeugung*) и обладание (*Besitz*). В то время как дедукция направлена на обоснование возможности категорий и должна проводиться *a priori*, приобретение категорий есть эмпирический процесс, позволяющий индивиду породить их и обладать ими. Поскольку «обладание» обозначает правильное использование способностей, а «порождение» — опыт, в котором индивид применяет на деле свои априорные познания, можно сказать, что априорные познания приобретаются эмпирически без какого-либо вреда для их обоснования *a priori*. Далее Эрсам (Ehram, 2016, p. 44–48)² обсуждает кантовское понятие эпигенезиса, согласно которому когнитивные и практические компетенции развиваются, то есть приобретаются человеком стадийно. Таким образом, показав, что его тезис правдоподобен (нечто эмпирическое можно назвать необходимым условием для приобретения априорных познаний), Эрсам должен доказать его правильность, то есть что специфическая эмпирическая вещь (язык) есть незаменимое средство приобретения априорных познаний. Реконструкция работы лингвистических компетенций в процессе приобретения когнитивных и практических компетенций занимает вторую часть книги (главы 2–5).

Вторая глава посвящена реконструкции причин того, почему Кант считает, что «язык,

² Далее в ссылках на книгу указываются только страницы в круглых скобках.

bear in § 13 of the “Transcendental Deduction” of the B edition of the *Critique of Pure Reason* (KrV, B 118-119; Kant, 1998, pp. 220-221). According to Ehram, Kant distinguishes between the deduction (*Deduktion*) and the acquisition (*Erwerbung*) of the categories and specifies the latter as production (*Erzeugung*) and possession (*Besitz*). Whereas the deduction aims at grounding the possibility of the categories and must be carried out *a priori*, the acquisition of the categories consists in the empirical processes which enable an individual to produce and possess them. Since ‘possession’ means the proper use of a faculty and ‘production’ means the experience through which an individual exercises his or her use of *a priori* cognitions, it can be said that *a priori* cognitions are acquired empirically without detriment to their *a priori* foundation. As a next step, Ehram (2016, pp. 44-48; elsewhere only page-numbers of this work are indicated in brackets) discusses Kant’s notion of epigenesis, according to which human cognitive and practical competences develop, i.e. are acquired, in stages. Thus, after showing that his thesis is plausible (something empirical can be said to be the necessary condition for the acquisition of *a priori* cognitions), Ehram has to show that his thesis is also correct (the specific empirical thing which is language is an indispensable means to the acquisition of *a priori* cognitions). Reconstructing which and how linguistic competences are necessary to developing cognitive and practical competences will be the task of the second part of the book (Chapters Two – Five).

Chapter Two is devoted to reconstructing why Kant holds that “language, more precisely the use of oral signs, makes possible the emergence of concepts and rationality”² (p. 63). The problem can be posed in these terms because

² “[L]e langage, plus particulièrement l’usage des signes oraux, rend possible l’émergence des concepts et de la rationalité.” All quotes from French are translated by the reviewer. All emphases are added by the author.

а точнее, использование устных знаков делает возможным возникновение понятий и рациональности» (р. 63). Мы можем выделить эту проблему, поскольку сам Кант в «Антропологии с прагматической точки зрения» заявляет, что глухой от рождения человек «не имеет и не мыслит действительных понятий» (AA 07, р. 192; Кант, 1994, с. 217). Таким образом, перед нами встает вопрос: какие именно свойства делают «звуки решающим посредником в возникновении рациональности?» (р. 84). Эрсам отвечает на него, конструируя убедительный аргумент на основании внимательного прочтения § 18, 38 и 39 «Антропологии...». Согласно Эрсаму, незвуковые языки, например язык жестов, используемый глухими от рождения людьми, представляют собой отдельный вид общего класса символического мышления и обладают его главным недостатком — отсутствием нормативности. Точнее, символическое мышление есть любое мышление, эмпирически приобретенное посредством ассоциации, привычки или имитации. Именно так обстоит дело с языком жестов, поэзией, метафорами и т.д. Поскольку символическое мышление производно от опыта, оно не может подняться до уровня всеобщности и необходимости, лежащих в основе нормативности. Поэтому люди, способные использовать лишь язык жестов, имеют доступ лишь к символическому, ненормативному мышлению и неспособны выражать общие понятия. Это не значит, что «они не способны иметь опыт, структурированный в соответствии с пространством, временем и категориями», но скорее что «они не обладают *понятиями* и не могут соотнести выражение своих представлений с законами» (р. 87). Противоположность символического мышления — дискурсивное, то есть такое мышление, в котором произвольные слуховые знаки сопровождают понятие, не выводя его из опыта. Так, устная речь, хотя тоже использует чувственные знаки (предназначенные для восприятия звуки), пе-

Kant in *Anthropology from a Pragmatic Point of View* avers that a person deaf from birth lives “without having and thinking real concepts” (*Anth*, AA 07, p. 192; Kant, 2007, p. 300). The question is thus, What specific properties make “the auditory medium decisive for the emergence of rationality [...]?”³ (p. 84). Ehersam answers this question by crafting a sound argument based on a close reading of §§ 18, 38, and 39 of *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. On Ehersam’s reconstruction, non-auditory languages, such as the sign language of a person deaf from birth, are a particular case of the general class of symbolic cognition and are afflicted by its same capital flaw, i.e. its lack of normativity. More precisely, symbolic cognition is any cognition empirically derived by association, habit, or imitation. This is the case of sign language, poetry, metaphors etc. Since symbolic cognition is derived from experience, it cannot ascend to that level of universality and necessity that makes up normativity. As a consequence, human beings who are only able to use sign language have only access to symbolic, non-normative, cognition and are not able to represent general concepts. This is not to say that “they are not capable of experience structured *according to* space, time and the categories,” but rather that “they do not possess *concepts* and cannot subsume the articulation of their representations under laws”⁴ (p. 87). The opposite of symbolic cognition is discursive cognition, i.e. a cognition in which arbitrary auditory signs accompany the concept without deriving it from experience. So, the spoken language has its sense medium as well (auditory signs which are meant to be perceived), but what it conveys is not a sensible but a concep-

³ “*Quelles sont donc [les] propriétés [...] des sonorités qui en font le médium décisif de l’émergence de la rationalité [...]?*”

⁴ “[Kant] n’exclut pas [...] que le sourd de naissance [...] possède une expérience structurée selon l’espace, le temps et les catégories [...]. Cependant, [...] il ne possède pas de concepts et ne peut soumettre l’articulation de ses représentations à des lois.”

редает через них не чувственное, а понятийное содержание. Наиболее интересной частью главы является именно рассуждение Эрсам о том, как разделение между ненормативными символическими и нормативными дискурсивными языками проходит через саму чувственность (р. 89). В действительности всякий язык — эмпирический, поскольку состоит из знаков, представляющих собой отдельные эмпирические восприятия, но не всякий язык — символический. Различие заключается в том, что дискурсивные языки определены *a priori* и лишь передаются эмпирически, в то время как символические языки одновременно определены и передаются эмпирически.

Показав, как, согласно Канту, обладание слуховыми знаками оказывается необходимым для приобретения когнитивной компетенции подчинения представлений законам, Эрсам посвящает третью главу реконструкции генетической роли грамматики. Согласно его тезису, «пользуясь правилами грамматики своего языка», человек «учится... управлять функциями единства, то есть самим рассудком» (р. 136). Как и индивид, не владеющий слуховыми знаками, способен структурировать свой опыт в соответствии с чистыми формами, но не способен подчинить представления законам, так и индивид, не владеющий правилами грамматики своего языка, способен формулировать правильные суждения, но не способен к «дополнительной рефлексии над трансцендентальными принципами рассудка» (р. 103), являющейся неотъемлемой частью овладения способностью мышления. Это, пожалуй, самая противоречивая часть книги. Автор намеревается прояснить понятие «грамматики мышления» (*Grammatik des Denkens*), упоминаемое Кантом в его «Лекциях о Философской энциклопедии», но детально эту тему не обсуждает. Анализ, проведенный Эрсамом, оставляет без ответа вопрос о собственно архитектурном месте того, что Кант называет грамматикой мыш-

твального содержания. The most interesting section of the chapter is precisely Ehram's account of how the cleavage between symbolic non-normative and discursive normative language runs within sensibility itself (p. 89). In fact, all language is empirical insofar as it consists of signs which are empirical intuitions, but not all languages are symbolic. The decisive difference lies in the fact that discursive languages are determined *a priori* and only conveyed empirically, whereas symbolic languages are both determined and conveyed empirically.

After showing how, according to Kant, the mastery of auditory signs is necessary for the acquisition of the cognitive competence of subsuming representations under laws, Ehram devotes Chapter Three to reconstructing the genetic role of grammar. On his thesis, "in mastering the grammatical rules of one's language", one "learns [...] to master the functions of unity which are the understanding itself"⁵ (p. 136). Just as the individual who does not master auditory signs can still structure his or her experience according to pure forms but cannot subsume representations under laws, so the individual who does not master the grammatical rules of his or her language can still formulate correct judgments but cannot perform that "additional reflection on the transcendental principles of the understanding"⁶ (p. 103) which is an integral part of one's mastery of the cognitive faculty. This is maybe the thorniest chapter of the book. The author endeavours to elucidate the concept of "grammar of thought" (*Grammatik des Denkens*), which Kant mentions in his *Lectures on Philosophical Encyclopedia* but does not to develop in detail. What Ehram's analysis leaves unresolved is precisely the architectonic

⁵ "En apprenant à maîtriser la grammaire d'une langue [...], l'individu apprend à maîtriser les fonctions de l'unité qui sont l'entendement même."

⁶ "[L]a maîtrise implicite des règles grammaticales vaut comme condition préalable à la réflexion ultérieure sur les principes transcendants de l'entendement."

ления, которая должна включать в себя «определенные общие правила мышления» (AA 29, p. 31). Эрсам отмечает, что первоисточники позволяют лишь строить догадки, и осторожно утверждает, что Кант считает правила грамматики всеобщими «*в силу того факта, что мышление не существует иначе как в словесной форме*» (p. 127). Далее автор приходит к выводу, что кантовская грамматика мышления «имеет смысл в силу своей связи с исследованием форм единства в суждениях посредством трансцендентальной логики» (p. 135). На эту интерпретацию можно возразить, что если единство в суждениях опирается одновременно и на использование грамматики, и на использование трансцендентальной логики, то остается неясным, как возможно исключение языка из условий мышления и его рассмотрение только как средства достижения когнитивных компетенций. Другими словами, если, как утверждает Кант, мы мыслим словами и, как осторожно заключает Эрсам, функция единства в суждениях достигается посредством одновременно лингвистических и трансцендентальных операций, то, как утверждает Вильгельм Люттерфельдс (Lütterfelds, 2004, S. 155–156), грамматические условия возможности языка должны также быть и условиями возможности объектов языка. Однако, будь это так, язык непременно был бы вынужден играть роль не только в приобретении когнитивных компетенций, но и в дедукции чистых познаний, которые *ipso facto* перестали бы быть чистыми.

Предмет четвертой главы — кантовские размышления об использовании первого лица, то есть о способности говорить или мыслить «я». В качестве первого шага Эрсам определяет специфическое единство, делающее кантовское «я мыслю» возможным как синтетическое единство апперцепции. Автор встает на сторону Роберта Брэндома (Brandom, 1994, p. 187), споря с Питером Стросоном (Strawson, 1966, p. 93), ко-

place of what Kant terms grammar of thought and outlines as containing “certain general rules of thought”⁷ (*PhilEnz*, AA 29, p. 31; transl. R.P.). Ehram stresses that the primary sources only allow for conjectures and cautiously argues that Kant is saying that “grammatical rules are taken to be universal *by virtue of the fact that thinking does not exist except in the use of words*”⁸ (p. 127). The author then concludes that Kant’s grammar of thought “principally derives its meaning in relation to the investigation, through transcendental logic, of the forms of unity in judgments”⁹ (p. 135). It can be objected to this interpretation that, if the unity in judgments is due to both a transcendental logical and a grammatical operation, it is not clear how language can be excluded from the conditions of cognition and only be considered as serving as a means to cognitive mastery. In other words: if, as Kant states, it is in words that we think, and if, as Ehram tentatively concludes, the function of unity in judgments is accomplished through both a linguistic and a transcendental operation, then, as Wilhelm Lütterfelds (2004, pp. 155-156) argues, the grammatical conditions of the possibility of language should also be the conditions of the possibility of the objects of language. But, if this were so, then language would have to play a role not only in the acquisition of cognitive competences but also in the deduction of pure cognitions, which would *ipso facto* cease being pure.

The subject of Chapter Four is Kant’s thought on the use of the first person, i.e. on the ability to say or think ‘I’. As a first step, Ehram defines the specific unity which makes Kant’s ‘I think’ possible as synthetic unity of appercep-

⁷ Cf. “[E]ine Grammatik des Denkens [soll] bestimmte allgemeine Regeln des Denkens enthalten [...]”

⁸ “[L]es règles grammaticales sont tenues pour universelles en raison du fait que la pensée n’existe que dans l’usage des mots.”

⁹ “La grammaire philosophique prend principalement son sens en relation avec l’étude, par la logique transcendante, des formes de l’unité dans les jugements.”

торый, как он считает, полагал синтетическое единство апперцепции зависящим от возможности приписывать себе свои собственные когнитивные состояния, и с Патрицией Китчер (Kitcher, 1990, p. 122), которая, по мнению Эрсам, отождествляет синтетическое единство апперцепции с ассоциациями, объединяющими содержание различных когнитивных состояний субъекта. Эрсам утверждает, что синтетическое единство апперцепции становится возможным в силу «того факта, что действие суждения открывает нам, что мы не можем иметь *одно* понятие, не обладая множеством понятий» (p. 167). В качестве второго шага он представляет свой тезис, согласно которому «местоимение “я” отражает предшествующее [синтетическое единство апперцепции], а следовательно, развивает *осознание* этого единства и нашей ответственности за наши мысли и поступки» (p. 170). Разъясняя свой аргумент, Эрсам приводит два оригинальных довода. Во-первых, посредством внимательного прочтения кантовских лекций по антропологии докритического и критического периодов Эрсам реконструирует используемые термины и те этапы, проходя через которые Кант (а) приходит к различению разных видов единства, ставших в итоге аналитическим единством апперцепции, «я мыслю» и «я», и (b) избегает, казалось бы, неизбежного выбора между косным рациональным догматизмом и не менее проблематичным эмпирическим скептицизмом в качестве опоры для этого различения. Во-вторых, автор опирается на первое предложение «Антропологии с прагматической точки зрения». Там Кант заявляет: «То, что человек может иметь представление о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на Земле» (AA 07, p. 127; Кант, 1994, с. 142). Согласно Эрсаму, определяя место «я» в представлениях, Кант не указывает на «я мыслю». Но это и не означает, что Кант отделяет функцию «я» от способности выражать «я» в языке. Напротив,

tion. Against both Peter Strawson (1966, p. 93), read as maintaining that the synthetic unity of apperception hinges upon the possibility of attributing to oneself one's own cognitive states, and Patricia Kitcher (1990, p. 122), read as identifying the synthetic unity of apperception with the associations which unite the contents of the subject's different cognitive state, the author sides with Robert Brandom (1994, p. 187) and states that the synthetic unity of apperception is made possible by “the fact that we judge [i.e. by the fact that the] activity of judging reveals that we cannot have *one* concept without having a plurality of them”¹⁰ (p. 167). As a second step, he then presents his thesis, on which “the pronoun ‘I’ reflects the [synthetic unity of apperception] which precedes it, and thereby develops the *consciousness* of this unity and our responsibility toward our thoughts and actions”¹¹ (p. 170).” In expounding his argument, Ehram provides two particularly original accounts. First, by means of a close reading of Kant's pre-critical and critical lectures on anthropology, he reconstructs the terms and stages of Kant's struggle with (a) disentangling the kinds of unity which he finally comes to distinguish as analytical unity of apperception, ‘I think’ and ‘I’ and (b) avoiding the foundation of any of them on what seemed to be the inescapable choice between the rock of rational dogmatism and the hard place of empirical scepticism. Second, the author dwells on the opening sentence of *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. There Kant states: “The fact that the human being can have the ‘I’ in his representations raises him infinitely above all other living beings on earth” (*Anth*, AA 07, p. 127; Kant, 2007, p. 239). On Ehram's reading,

¹⁰ “L'activité de juger révèle le fait qu'on ne peut avoir un concept sans en avoir plusieurs.”

¹¹ “[L]e pronom ‘je’ réfléchit [l'unité synthétique de l'apperception] qui le précède, et développe ainsi la conscience de cette unité et notre responsabilité vis-à-vis de nos pensées et de nos actes.”

он утверждает, что именно лингвистическая возможность выражать «я» позволяет субъекту мыслить «я мыслю», при этом несущественно, выражается ли первое лицо лексически (через личное местоимение) или грамматически (через окончание глагола). Таким образом, Кант утверждает не незаменимость языкового выражения «я», а скорее функциональную эквивалентность его лексического и грамматического выражения.

Обращаясь к архитектурному месту языка в практической философии Канта, Эрсам посвящает пятую главу прояснению причин устанавливаемой Кантом в «Предполагаемом начале человеческой истории» необходимой связи между «говорить [*sprechen*]... т.е. *изъясняться* [*reden*], а значит, и *мыслить* соответственно взаимосвязанным понятиям» (AA 08, p. 110; Кант, 1993, с. 155) и «развитием в человеческих деяниях нравственного элемента» (AA 08, p. 111; Кант, 1993, с. 155). Для ответа Эрсам обращается не к нравственному развитию рода человеческого, которое мы находим в кантовской философии истории, а к нравственному развитию индивида, описываемому Кантом в педагогике. Его основной вопрос: в чем состоит незаменимый вклад языка в развитие моральных компетенций индивида? По Эрсаму, релевантную в этом контексте функцию языка нужно рассматривать с двух сторон: как перлокутивную и коммуникационную. На уровне перлокутивного акта адресная форма категорического императива, будь она действительно произнесена или лишь помыслена (ты должен), однозначно необходима для передачи прескриптивного характера морального закона как обязанности в противоположность дескриптивному характеру законов природы как действительности (p. 185–191). На коммуникативном уровне, как утверждает Эрсам, опираясь на «Этическое учение о методе» «Метафизики нравов», необходим диалог между учите-

Kant's locating the 'I' in the subject's representations does not hint at the 'I think'. Nor does it imply that Kant is disjoining the function of the 'I' from the possibility of its linguistic expression. On the contrary, Kant is averring that it is precisely the linguistic possibility of expressing the 'I' that enables the subject to reflect the 'I think', but that it is immaterial whether the first person is expressed by means of a lexical (the personal pronoun) or a grammatical (a verb's ending) mark. Thus, what Kant is averring is not the dispensability of the linguistic expression of 'I', but rather the functional equivalence of its lexical and grammatical expression.

Turning to the architectonic place of language in Kant's practical philosophy, Ehrsam devotes Chapter Five to elucidating why Kant in *Conjectural Beginning of Human History* establishes a necessity link between the ability to "discourse [*sprechen*], i.e. speak [*reden*] according to connected words and concepts" (MAM, AA 08, p. 110; Kant, 2007, p. 164) and "the development of what is moral in his doing and refraining" (ibid., p. 111; Kant, 2007, p. 165). The author's framework is not the species' moral development in Kant's philosophy of history, but the individual's moral development in Kant's pedagogy. His leading question is, "In what consists the indispensable contribution of language to the individual's development of moral competence?" Ehrsam's account can be read as tackling the relevant function of language both as perlocution and communication. On the level of perlocution, he argues that the – actually uttered or rationally represented – address form of the categorical imperative (you ought) is indispensable unequivocally to convey the prescriptive character of the moral law as obligation as opposed to the descriptive character of natural laws as factuality (pp. 185-191). As for the level of communication, Ehrsam especially draws on the "Doctrine of the Methods of Ethics" of the *Metaphysics of*

лем (индивидом, уже овладевшим моральными компетенциями) и учеником (индивидом, еще не овладевшим ими). Этот диалог должен вести ученика к признанию «своего собственного разума как источника морального закона» (р. 217), то есть к открытию взаимоотношений между моральным законом, чистым практическим разумом и автономией.

Исследовав язык как способ приобретения, Эрсам в последней, шестой главе обращается к нему как к объекту приобретения. Если вторая часть книги была посвящена реконструкции того, что люди приобретают посредством языка, то третья берется объяснить, как они приобретают язык. Соответственно, автор реконструирует, как, по мнению Канта, (а) индивиды учатся владеть языком, (b) язык возникает у людей как вида, (c) язык эволюционирует. Что касается приобретения языка индивидом, Эрсам приводит детальное описание кантовского опровержения врожденности языка и его аргументов в пользу эпигенезиса, обращая особое внимание на уверенность Канта в объяснении индивидуального лингвистического развития посредством включенности в языковое сообщество. В отношении возникновения языка у людей как вида автор показывает, что Кант с уверенностью отрицает и натуралистическую теорию (Мозес Мендельсон и поздний Гердер), и теорию божественного происхождения (Иоганн Петер Зюсмилх и ранний Гердер), но не знает, как подступить к этой проблеме, не опираясь целиком на отрицание других подходов. Наконец, для ответа на вопрос об эволюции языков Эрсам выводит, основываясь на сочинениях Канта, два основных принципа: дискурсивного мышления и культурного обмена. Соответственно, языки эволюционируют, то есть становятся все более и более способными к передаче понятий, по мере снижения уровня символичности и роста контактов носителей с представителями других культур.

Morals to argue for the indispensability of the dialogue between teacher (an individual whose moral competence has already developed) and pupil (an individual whose moral competence has not yet developed) to guide the latter to the recognition “of his own reason as the author of the moral law”¹² (p. 217), in other words, to the discovery of the relation of moral law, pure practical reason, and autonomy.

After examining language as a means to an acquisition, in Chapter Six (the last) Ehram examines language as the object of an acquisition. If the second part of the book was devoted to reconstructing what human beings acquire through language, the third tackles how human beings acquire language. Accordingly, the author reconstructs how, on Kant’s view, (a) individuals learn to master a language, (b) language emerges within the human species, and (c) languages evolve. As for how an individual acquires a language, Ehram brings into play a detailed account of Kant’s confutation of innatism and his notion of epigenesis and stresses Kant’s confidence in explaining individual linguistic development through the immersion in a linguistic community. As for the emergence of language within the human species, the author shows that Kant is as confident in refuting both the naturalistic (Moses Mendelssohn and the later Herder) and the divine origin theses (Johann Peter Süßmilch and the young Herder) as he is puzzled at how to approach the problem without too strongly relying on conjectures. Finally, as for the subject of the evolution of languages, Ehram subsumes Kant’s relevant accounts under the two principles of discursive cognition and cultural exchange. Accordingly, languages evolve, i.e. become more and more capable of conveying rational concepts, the less symbolic they become and the more exchange their speakers entertain with other cultures.

¹² “[L]e dialogue a autant pour fonction [d’aider l’élève] à affirmer sa propre raison comme l’auteur de la loi morale.”

В общем и целом монография Рафаэля Эрсама может похвастаться четкостью структуры и ясностью аргументации, а также элегантно-стью языка. Она филологически точна, хорошо написана и систематична. Кант показан как в контексте своего времени, так и в более широкой оптике философии раннего модерна. Более того, монография представляет собой ценный вклад в список литературы, исследующей вопрос дополнения чистого и рационального нечистым и эмпирическим в философии Канта. Хотя Кант редко рассматривается в качестве одной из ключевых фигур в истории философии языка, Эрсам успешно доказывает, что он точно не обошел эту тему стороной. Еще важнее то, что Эрсаму удалось подтвердить свой тезис об архитектурном месте языка в трансцендентальной философии Канта.

Список литературы

- Kant I.* Предполагаемое начало человеческой истории // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Ками, 1993. Т. 1. С. 149–192.
- Kant I.* Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 7. С. 137–376.
- Kant I.* Критика чистого разума. 2-е изд. // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.
- Brandom R.* Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Cambridge ; L. : Harvard University Press, 1994.
- Ehram R.* Le problème du langage chez Kant. P. : Librairie Philosophique J. Vrin, 2016.
- Kitcher P.* Kant's Transcendental Psychology. N. Y. : Oxford University Press, 1990.
- Lütterfelds W.* Kant in der gegenwärtigen Sprachphilosophie // Warum Kant heute? / Hrsg. D.H. Heidemann, K. Engelhard. N. Y. ; Berlin : De Gruyter, 2004. S. 150–176.
- Strawson P.* The Bounds of Sense. An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. L. ; N. Y. : Routledge, 1966.

Overall, Raphaël Ehram's monograph exhibits a clear structure, lucid arguments, and an elegant prose. It is philologically accurate, well-documented, and systematically solid. Kant is embedded in both his contemporary context and in the wider framework of modern philosophy. Furthermore, it is a valuable contribution to the literature investigating how, in Kant's philosophy, the impure and empirical complements the pure and rational. Although Kant is not commonly considered a milestone in the philosophy of language, Ehram succeeds in proving that Kant surely did not neglect the philosophical study of language. More importantly, he succeeds in substantiating his thesis on the architectonic place of language in Kant's transcendental philosophy.

References

- Brandom, R., 1994. Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Cambridge and London: Harvard University Press.*
- Ehram, R., 2016. Le problème du langage chez Kant. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin.*
- Kant, I., 1998. Critique of Pure Reason. Edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.*
- Kant, I., 2007. Anthropology, History and Education. Edited by G. Zöllner and R.B. Loudon. Cambridge, New York et al.: Cambridge University Press.*
- Kitcher, P., 1990. Kant's Transcendental Psychology. New York: Oxford University Press.*
- Lütterfelds, W., 2004. Kant in der gegenwärtigen Sprachphilosophie. In: D.H. Heidemann and K. Engelhard, eds. 2004. Warum Kant heute? New York & Berlin: Walter de Gruyter, pp. 150-176.*
- Strawson, P., 1966. The Bounds of Sense. An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. London & New York: Routledge.*

Об авторе

Роберта Паскуаре, доктор философии, Грацский университет имени Карла и Франца, Грац, Австрия.

E-mail: roberta.pasquare@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8403-2872>

О переводчике

Александр Сергеевич Киселев, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AISKiselev@stud.kantiana.ru

Для цитирования:

Паскуаре Р. Архитектоническое место языка в философии Канта // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 3. С. 97–107. Рец. на кн.: Ehksam R. *Le problème du langage chez Kant*. Paris : Librairie Philosophique J. Vrin, 2016. 288 p.

doi: 10.5922/0207-6918-2020-3-5

The author

Dr Roberta Pasquare, Karl-Franzens-University of Graz, Graz, Austria.

E-mail: roberta.pasquare@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8403-2872>

To cite this article:

Pasquare, R., 2020. The Architectonic Place of Language in Kant's Philosophy (Rev.: R. Ehksam, *Le problème du langage chez Kant*. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 2016, 288 pp.). *Kantian Journal*, 39(3), pp. 97-107.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-5>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))